П9247

„Современникъ"
1913, № 3

„Домъ Плеханова"
№

Чернышевскій въ Сибири.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ друзьями. Выпускъ I (1865—1875). Выпускъ II (1876—1877). Статья **Е. А. Ляцкаго.** Примѣчанія **М. Н. Чернышевскаго.** Спб. 1912. Изд. т—ва „Огни".

Передо мною лежатъ два тома писемъ Н. Г. Чернышевскаго къ своимъ роднымъ,—главнымъ образомъ, къ женѣ и дѣтямъ,—изъ Сибири. Письма, заключающіяся въ этихъ двухъ томахъ, доходятъ до 1877 г. включительно и представляютъ собою, въ полномъ смыслѣ этого слова, драгоцѣнные „человѣческіе документы". Люди, сочувствовавшіе литературной дѣятельности Чернышевскаго, такъ безвременно прерванной его арестомъ и ссылкой, всегда смотрѣли на него, какъ на личность, очень выдающуюся не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Они очень склонны были идеализовать его. Идеализація весьма естественна въ подобныхъ случаяхъ. Однако, она далеко не безопасна: лучшее знакомство съ идеализованной личностью ведетъ иногда къ разочарованію — ней. Но въ данномъ случаѣ о такой опасности не можетъ быть и рѣчи. Письма Чернышевскаго изъ Сибири показываютъ, что его очень трудно было идеализовать въ надлежащей степени. И чѣмъ больше русская читающая публика будетъ знакомиться съ этими письмами, тѣмъ больше станетъ расти ея уваженіе къ этому изумительно благородному и непоколебимо-твердому человѣку. Надо только, чтобы она побольше читала ихъ. Но за это „по нонѣшнему времени" не такъ легко поручиться.

По закону жена осужденнаго на каторгу имѣетъ право слѣдовать за нимъ. Н. Г. Чернышевскій очень любилъ свою жену; разлука съ нею, несомнѣнно, была для него источникомъ большихъ страданій. Но онъ боялся, что жизнь въ далекой и нездоровой окраинѣ будетъ очень тяжела для нея. И вотъ, попавши въ Сибирь, онъ начинаетъ придумывать, какъ бы устроить такъ, чтобы его жена не только не ѣхала за нимъ, но и вообще какъ можно скорѣе забыла о немъ. Въ письмѣ къ А. Н. Пыпину изъ Вилюйска

отъ 8-го марта 1875 г. онъ дѣлаетъ на этотъ счетъ чрезвычайно поучительное признаніе.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при свиданіи за Байкаломъ, я упрашивалъ Ольгу Сократовну выйти за кого-нибудь изъ благородныхъ людей, которыхъ было много, не смѣвшихъ, разумѣется, и думать ни о чемъ подобномъ, но изъ которыхъ каждый считалъ бы себя счастливѣйшимъ на свѣтѣ человѣкомъ, если бы услышалъ отъ нея то, что я просилъ ее сказать кому-нибудь изъ нихъ...

Не могъ я убѣдить ее.—Далъ пройти нѣсколькимъ мѣсяцамъ и пересталъ писать ей. Не писалъ цѣлый годъ. Она не могла выдержать этого.—Какъ быть?—Я нашелъ себя въ необходимости опять начать переписку съ нею". (Стр. 140, выпускъ I).

Но, возобновивъ переписку съ женою, Н. Г. Чернышевскій не покинулъ своего плана, а только отсрочилъ его исполненіе. Его задача по отношенію къ своей женѣ осталась прежней. „Дѣло лишь въ томъ,—пишетъ онъ къ тому же Пыпину,—чтобы не имѣть расположенія ко мнѣ. Тогда можно жить хорошо, какъ требуетъ здоровье" (стр. 141), т. е. какъ *ея* здоровье. Въ 1875 г. онъ пытается рѣшить эту задачу посредствомъ притворной ссоры съ А. Н. Пыпинымъ. Дѣло въ томъ, что у нѣсколько раздражительной по характеру Ольги Сократовны Чернышевской иногда выходили размолвки съ семьей Пыпина, не переставшаго заботиться о ней и объ ея двухъ сыновьяхъ послѣ ссылки Н. Г. Чернышевскаго. Объ этихъ своихъ размолвкахъ съ Пыпиными она доводила до свѣдѣнія мужа. Къ нимъ то и придрался онъ, намѣреваясь сдѣлать такъ, чтобы Ольга Сократовна утратила всякое расположеніе къ нему. Онъ сдѣлалъ видъ, что всецѣло становится на сторону своей жены, и потребовалъ отъ своего сына Александра разрыва всякихъ сношеній съ Пыпиными, у которыхъ онъ жилъ. Затѣмъ... Но пусть разсказываетъ самъ Чернышевскій.

„Продолженію слѣдовало быть такимъ:

Когда по расчету времени стало бы резоннымъ,—то есть, еще мѣсяца черезъ два послѣ нынѣшняго,—я обратился бы къ сыну, Сашѣ, въ такомъ вкусѣ:

„Ты не разорвалъ сношеній съ ними?"—А я знаю, что это невозможно даже и матеріально, не только нравственно; что, не говоря о чувствахъ и разсудкѣ самого Саши, не можетъ быть это допущено и Ольгой Сократовной; ...ни Саша не могъ бы, я зналъ, исполнить требованія, съ которыми я обращался къ нему, ни Ольга Сократовна допустить этого.—А въ апрѣлѣ, въ маѣ, я уже имѣлъ бы, по расчету, резонъ обратиться къ Сашѣ съ такими словами:

„Ты не слушаешься? Ты, когда такъ, не сынъ мнѣ!“—и это, въ выраженіяхъ еще болѣе грубыхъ, чѣмъ обращенныя къ вамъ.

Это была вторая часть. А третью, и самую важную для меня, написала бы для меня ужъ Ольга Сократовна:

„Когда ты сталъ такимъ сквернымъ человѣкомъ, то—ты пересталъ существовать для меня и для моихъ дѣтей“,—она написала бы такъ; это вѣрно, какъ $2 \times 2 = 4$.

А въ этомъ и было для меня самое важное облегченіе моей совѣсти. Совѣсть у меня есть. Хотѣлось бы перестать быть вреднымъ для близкихъ ко мнѣ“ (стр. 139—140. Вып. I).

Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ своеобразный макіавелизмъ привелъ вовсе не къ тому, чего хотѣлъ Чернышевскій. А. Н. Пыпинъ написалъ ему письмо, въ которомъ старался оправдаться отъ обвиненій со стороны Ольги Сократовны. Письмо это дѣлаетъ ему величайшую честь своимъ содержаніемъ и благородствомъ тона. Чернышевскій отвѣтилъ ему такъ:

„Милый Сашенька,

Прошу прощенья у тебя, у сестеръ и у Сережи за то, что напрасно огорчилъ Васъ.

Съ каждымъ словомъ Твоего письма, я совершенно согласенъ. Всѣ Твои сужденія чистая правда. Но я зналъ, что все это такъ, когда писалъ тѣ грубыя обиды Вамъ. Я зналъ, что такое пишу.—Теперь ясно Тебѣ?—У меня просто-на-просто было намѣреніе искоренить изъ вашихъ чувствъ всякое расположеніе ко мнѣ.

Жалѣю, что не удалось“. (Вып. I, стр. 139).

Какъ мало вводили его въ заблужденіе размолвки Ольги Сократовны съ Пыпиными, видно изъ слѣдующихъ строкъ:

„Милый другъ, ея характеръ вспыльчивъ. Но и сама она умѣетъ судить объ этихъ вспышкахъ.—Въ ея письмѣ ко мнѣ очень часто бываютъ „ссоры“ съ вами, жалобы на васъ.—„Это писано было въ минуту досады“,—говоритъ она о такихъ мѣстахъ своихъ писемъ:—„мнѣ тогда такъ показалось; но ты знаешь мой характеръ; я сердилась напрасно“.—Милый мой, конечно, я безгранично преданъ ей. Но это не мѣшаетъ мнѣ, разумѣется, находить ея серьезныя чувства къ вамъ и ея серьезные отзывы о вашихъ отношеніяхъ къ ней совершенно справедливыми. Ея серьезныя чувства къ вамъ—нѣжныя; ея серьезныя сужденія объ отношеніяхъ вашихъ къ ней—совершенно тѣ же, какъ твои“. (Вып. I, стр. 154—155).

Убѣдившись въ томъ, что его попытка поссориться съ А. Н. Пыпинымъ неосуществима, Н. Г. Чернышевскій не знаетъ, какъ загладить ту непріятность, которую онъ причинилъ ему. Глубокое и поистинѣ трогательное впечатлѣніе производятъ слѣдующія строки, обращенныя къ А. Н. Пыпину:

„Письмо Твое исполнено высокаго благородства души. За него стоило бы поцаловать и Твою руку; это неприлично; но я съ нѣкоторыми людьми не стѣснялся въ этомъ, когда былъ молодъ“. (Вып. I, стр. 147).

Эти нѣжныя строки почти цѣликомъ повторяются въ письмѣ къ А. Н. Пыпину отъ 28-го марта того же года:

„Твое письмо, мой милый, письмо чрезвычайно благородное. Я писалъ Тебѣ въ первомъ моемъ отвѣтѣ на него, что стоило бы поцаловать за него Твою руку. Разумѣется, это лишняя церемонія. То и забудь, что я, не стѣсняясь приличіями, въ мысляхъ своихъ исполнилъ ее“. (Вып. I, стр. 159).

Уже эти немногіе отрывки даютъ полную возможность судить о томъ, каковъ былъ Н. Г. Чернышевскій въ сношеніяхъ со своими близкими.

Какъ бы кто ни судилъ о цѣлесообразности дѣлавшихся имъ попытокъ заставить ихъ разлюбить его, несомнѣнно одно: Н. Г. Чернышевскій, бывшій самымъ яркимъ представителемъ тѣхъ передовыхъ людей 60-хъ годовъ, которыхъ обвиняли, между прочимъ, въ проповѣди эгоизма, выступаетъ передъ нами въ своихъ письмахъ преисполненнымъ самаго высокаго благородства, самыхъ чистыхъ альтруистическихъ чувствъ. А это лишній разъ показываетъ, что крайне плохо понимали людей 60-хъ годовъ тѣ, которые, по той или другой причинѣ, не раздѣляли ихъ взглядовъ.

И не однимъ альтруизмомъ пропитаны письма Чернышевскаго изъ Сибири. Въ нихъ сильно слышится также стоическая нота. Свое положеніе въ ссылкѣ онъ характеризуетъ, напримѣръ, такъ:

„Я, по своему прекрасному обычаю, совершенно здоровъ. Живу очень хорошо. Денегъ и всякихъ необходимыхъ вещей у меня много, и ничего мнѣ не нужно. Прошу Тебя и дѣтей: не присылайте мнѣ ничего“. (Вып. I, стр. 71).

И это повторяется почти во всѣхъ письмахъ его къ женѣ. Читая его отзывы о своемъ положеніи, можно подумать, что его, по окончаніи каторги, въ самомъ дѣлѣ, водворили въ мѣстности, если не благословенной, то, по крайней мѣрѣ, сносной. Его отзывы о ней измѣняются только тогда, когда онъ начинаетъ убѣждать свою жену не пріѣзжать къ нему. „Да, моя Радость,—пишетъ онъ ей въ письмѣ отъ 17-го мая 1872 г.,—путь сюда далекъ и очень труденъ; да самая почта почти круглый годъ не въ силахъ итти сюда безъ страшныхъ опасностей и долгихъ промедленій. Отъ половины апрѣля до конца года,—восемь съ половиной мѣсяцевъ, переѣздъ отъ Иркутска до Якутска—тяжелое и очень рискованное предпріятіе; труднѣе, чѣмъ какія-нибудь путешествія во внутренней Африкѣ. Отъ Иркутска сюда въ эти мѣсяцы ѣзда положительно невозможна для людей, непривычныхъ вести якутскій

образъ жизни... пустыня; пищи не найдешь; никакой помощи, въ случаѣ какого-нибудь обыкновеннаго дорожнаго приключенія; станція—громадныя разстоянія... Прибавь: ужасныя якутскія юрты вмѣсто станцій. Въ этихъ юртахъ несравненно хуже, нежели въ порядочныхъ конюшняхъ". (Вып. I, стр. 38—39).

Такова дорога въ Вилюйскъ. А что говоритъ теперь Чернышевскій о жизни въ Вилюйскѣ? Описавъ жалкое матеріальное положеніе вилюйскихъ обывателей, онъ продолжаетъ:

„Я присмотрѣлся къ нищетѣ; очень присмотрѣлся. Но къ виду этихъ людей я не могу быть холоденъ; ихъ нищета мутитъ и мою заскорузлую душу. Я пересталъ ходить въ городъ, чтобы не встрѣчать этихъ несчастныхъ; избѣгаю тропинокъ, по которымъ бродятъ они на опушкѣ лѣса". (Вып. I, стр. 39).

Желая дать Ольгѣ Сократовнѣ понятіе о вилюйскомъ климатѣ, Н. Г. Чернышевскій приводитъ въ своемъ письмѣ такой діалогъ:

„Бываютъ здѣсь убійства?"—„нѣтъ, народъ смирный; но самоубійства часты".—„Отчего же?"—„Отъ солитера; здѣсь почти у всѣхъ солитеръ, и наводитъ такую меланхолію, что человѣкъ возьметъ да повѣсится". (Вып. I, стр. 41).

Теперь у нашего автора выходитъ, что „климатъ Петербурга—идеалъ здороваго климата сравнительно со здѣшнимъ". А въ концѣ письма ясно сказывается его главная мысль, его лейтмотивъ:

„Это все я пишу, чтобы Ты, моя Радость, поняла серьезность моей мольбы къ Тебѣ: не пріѣзжай сюда, заклинаю, не пріѣзжай. Подожди, пока переведутъ меня жить куда-нибудь, гдѣ больше возможности жить и Тебѣ". При чтеніи этого письма сами собою приходятъ на память тѣ слова, которыя говоритъ губернаторъ княгинѣ Трубецкой въ „Русскихъ женщинахъ" Некрасова:

Тотъ климатъ васъ убьетъ;
Я васъ обязанъ убѣдить:
Не ѣздите впередъ!
Ахъ! вамъ ли жить въ странѣ такой,
Гдѣ воздухъ у людей
Не паромъ—пылью ледяной
Выходитъ изъ ноздрей?
Гдѣ мракъ и холодъ круглый годъ,
А въ краткія жары
Непросыхающихъ болотъ
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бѣжитъ и звѣрь лѣсной,
Когда сто-суточная ночь
Повиснетъ надъ страной... [1]).

[1]) Въ письмахъ женѣ ссыльный стоикъ неизмѣнно повторялъ, что, собственно, ему совсѣмъ не вредитъ страшный климатъ Вилюйска. Но въ одномъ

Чернышевскій льстилъ себя надеждой, что его скоро переведутъ въ такую мѣстность, гдѣ Ольга Сократовна могла бы жить, не подвергаясь слишкомъ большимъ лишеніямъ, и гдѣ онъ самъ получилъ бы возможность заниматься литературнымъ трудомъ. Этой надеждѣ не суждено было осуществиться. Онъ оставался въ Вилюйскѣ вплоть до 1883 г., когда ему позволили вернуться въ Европейскую Россію и поселиться въ Астрахани. Но это случилось за нѣсколько лѣтъ до смерти. Должно быть, ему не нужно было много времени для того, чтобы понять несбыточность своей надежды: онъ хорошо понималъ своихъ враговъ. Если въ письмахъ къ Ольгѣ Сократовнѣ онъ продолжалъ высказывать надежду на скорое переселеніе въ болѣе удобную мѣстность, то онъ дѣлалъ это, вѣроятно, только для ея успокоенія.

Привычка къ труду не покинула его и въ Вилюйскѣ. Онъ очень много читалъ и писалъ тамъ, но, лишенный возможности печатать свои произведенія, уничтожалъ написанное. Судьба русскаго писателя вообще никогда не была завидной. Въ исторіи нашей литературы очень мало встрѣчается славныхъ именъ, не навлекавшихъ на себя преслѣдованія со стороны попечительнаго начальства. Но во всей исторіи этой литературы нѣтъ ничего трагичнѣе судьбы Н. Г. Чернышевскаго. Трудно даже представить себѣ, сколько тяжелыхъ страданій гордо вынесъ этотъ литературный Прометей въ теченіе того длиннаго времени, когда его такъ методически терзалъ полицейскій коршунъ.

Въ письмахъ Чернышевскаго изъ Сибири находится богатый матеріалъ, между прочимъ, и для сужденія объ его міросозерцаніи. Внимательно и не одинъ разъ перечитавъ ихъ, я могу сказать, что они дали мнѣ новое доказательство справедливости той характеристики этого міросозерцанія, которая была сдѣлана мною въ моей книгѣ „Н. Г. Чернышевскій“. Вотъ яркій примѣръ.

Въ названной книгѣ я изображалъ его убѣжденнымъ послѣдователемъ Фейербаха. Хотя, какъ я думаю, и трудно было усумниться въ правильности такого изображенія, но все-таки мнѣ пріятно привести теперь вотъ эти строки изъ письма Н. Г. Чернышевскаго къ своимъ сыновьямъ отъ 11-го апр. 1877 г.

„...Если Вы хотите имѣть понятіе о томъ, что такое, по моему

изъ писемъ къ Пыпину онъ какъ-то проговорился объ истинномъ состояніи своего здоровья. Оказывается, что у него былъ ревматизмъ по всѣму тѣлу, было малокровіе, были остатки скорбута и въ довершеніе росъ зобъ. (См. вып. I, стр. 156—157). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что совершенно невозможно было разсчитывать въ Вилюйскѣ на сколько-нибудь серьезную медицинскую помощь. Да и серьезная медицинская помощь не много значила при страшномъ вилюйскомъ климатѣ. Такъ и понималъ это Чернышевскій. Въ письмѣ къ своему сыну Александру отъ 14-го авг. 1877 г. онъ говоритъ:

«Противъ ревматизма, поддерживаемаго климатомъ, никакія лекарства не помогутъ». (Вып. II, стр. 192). Въ томъ же письмѣ мы встрѣчаемъ весьма существенную оговорку: «Не подумай, впрочемъ, что я чрезмѣрно слабъ: нѣтъ, я слабъ, это правда; но не очень слабъ». (Вып. II, стр. 193).

мнѣнію, человѣческая природа, узнавайте это изъ единственнаго мыслителя нашего столѣтія, у котораго были совершенно вѣрныя, по моему, понятія о вещахъ. Это—Людвигъ Фейербахъ. Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, я не перечитывалъ его. И раньше того, много лѣтъ уже не имѣлъ досуга много читать его. И теперь, конечно, забылъ все, что зналъ изъ него. Но въ молодости я зналъ цѣлыя страницы изъ него наизусть. И сколько могу судить по моимъ потускнѣвшимъ воспоминаніямъ о немъ, остаюсь вѣрнымъ послѣдователемъ его.—Онъ устарѣлъ?—Онъ устарѣетъ, когда явится другой мыслитель такой же силы. Когда онъ явился, то устарѣлъ Спиноза. Но прошло болѣе полутораста лѣтъ прежде, чѣмъ явился достойный преемникъ Спинозы.—Не говоря о нынѣшней знаменитой мелюзгѣ, вродѣ Дарвина, Милля, Герберта Спенсера и т. д.,—тѣмъ менѣе говоря о глупцахъ, подобныхъ Огюсту Конту, ни Локкъ, ни Гьюмъ (Hume), ни Кантъ, ни Гольбахъ, ни Фихте, ни Гегель не имѣли такой силы мысли, какъ Спиноза. И до появленія Фейербаха надобно было учиться понимать вещи у Спинозы,—устарѣлаго ли или нѣтъ, напримѣръ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, но все равно: единственнаго надежнаго учителя.—Таково теперь положеніе Фейербаха: хорошъ ли онъ или плохъ, это, какъ угодно: но онъ безо всякаго сравненія лучше всѣхъ". (Вып. II, стр. 126).

Эти строки достойны большого вниманія во многихъ отношеніяхъ. И прежде всего интересны и важны для исторіи мысли сопоставленія Фейербаха со Спинозой. Чернышевскій видѣлъ въ Спинозѣ философскаго предшественника Фейербаха. И это какъ нельзя болѣе справедливый взглядъ. Но теперь этотъ, какъ нельзя болѣе справедливый взглядъ, чаще всего приводитъ въ изумленіе людей, интересующихся исторіей философіи. Подъ вліяніемъ господствующей въ настоящее время идеалистической реакціи на Спинозу смотрятъ такъ же неправильно, какъ и на Фейербаха. Неудивительно, что не понимаютъ и взаимнаго отношенія этихъ двухъ мыслителей.

Столь же характерно для Чернышевскаго и его отношеніе къ Огюсту Конту. Въ настоящее время въ нѣмецкой философской литературѣ обнаруживается стремленіе изображать философскіе взгляды Фейербаха, какъ одну изъ разновидностей позитивизма [1]). Но между позитивизмомъ Конта и матеріалистическимъ „антропологизмомъ" Фейербаха огромная разница. Фейербахъ отнюдь не отрицалъ познаваемости міра. А Контъ, если не совершенно отрицалъ ее, то слишкомъ суживалъ представленіе о ней. Вотъ почему Чернышевскій, въ самомъ дѣлѣ, до конца своихъ дней

[1]) См., напр. «Geschichte der Ethik, als philosophischer Wissenschaft» Фридриха Іодля 2-е изд. II. B., erstes Buch, VIII, Kapitel. II. Abschnitt: «Deutscher Positivismus».

оставшійся вѣрнымъ ученикомъ Фейербаха, былъ весьма невысокаго мнѣнія о пресловутомъ „Cours de philosophie positive“ Конта.

„Въ сущности,—говоритъ онъ въ письмѣ къ своимъ сыновьямъ отъ 7-го апр. 1876 г.,—это какой то запоздалый выродокъ „Критики чистаго разума“ Канта. Творенія Канта объясняются тогдашними обстоятельствами положенія науки въ Германіи. Это была неизбѣжная сдѣлка научной мысли съ ненаучными условіями жизни. Какъ быть! Канту нельзя ставить въ вину, что онъ придумалъ нелѣпость (то-есть, даже и не придумалъ, а вычиталъ изъ Юма, котораго—вотъ смѣхъ-то!—воображаетъ онъ опровергать, перефразируя): надобно же было хоть какъ-нибудь преподавать, хоть что-нибудь не совершенно гадкое. И онъ рѣшилъ: „Что ложь, и что истина, этого мы не знаемъ и не можемъ знать. Мы знаемъ только наши отношенія къ чему-то неизвѣстному. О неизвѣстномъ не буду говорить: оно неизвѣстно“.—Но во Франціи, въ половинѣ нынѣшняго вѣка, это нелѣпая уступка—нелѣпость, совершенно излишняя. А Огюстъ Контъ преусердно твердитъ: „неизвѣстно, неизвѣстно“.—Но для мыслителей, которымъ не хочется искать или высказывать истину, это рѣшеніе очень удобное. Въ этомъ и разгадка успѣха системы Огюста Конта“. (Вып. II, стр. 27—28).

Полезно будетъ отмѣтить, что Чернышевскій относитъ Милля, политическую экономію котораго онъ когда-то переводилъ и комментировалъ, къ „нынѣшней знаменитой мелюзгѣ“. Къ той же мелюзгѣ причислены у него Дарвинъ и Гербертъ Спенсеръ. Въ другихъ своихъ письмахъ онъ признаетъ, однако, колоссальныя научныя свѣдѣнія и выдающійся умъ Дарвина. Если здѣсь Дарвинъ именуется „мелюзгою“, то это одно изъ тѣхъ слишкомъ сильныхъ выраженій, которыя нерѣдко встрѣчаются въ письмахъ Чернышевскаго, и противъ которыхъ онъ самъ предостерегаетъ своихъ сыновей. Тѣмъ не менѣе, совершенно неоспоримо, что у нашего великаго писателя всегда было значительное предубѣжденіе противъ Дарвина. Мнѣ уже приходилось говорить о немъ въ своей книгѣ „Н. Г. Чернышевскій“. Теперь скажу кратко. Чернышевскій былъ не правъ по отношенію къ Дарвину. Но чтобы понять происхожденіе его неправильнаго взгляда на Дарвинову теорію, необходимо вспомнить, какъ нелѣпо пользовались многіе натуралисты въ своихъ разсужденіяхъ объ общественной жизни ученіемъ Дарвина о борьбѣ за существованіе. Справедливое негодованіе противъ нелѣпыхъ ошибокъ учениковъ дѣлало Чернышевскаго несправедливымъ по отношенію къ учителю.

Читатель замѣтилъ, надѣюсь, что имя Гольбаха стоитъ у Чернышевскаго рядомъ съ именами Локка, Юма, Канта, Фихте и Гегеля. Это опять очень характерно для него, какъ для матеріалиста. Восторженный послѣдователь Фейербаха, онъ не могъ

пренебрегать тѣми, которыхъ онъ считалъ предшественниками своего учителя. Положимъ, самъ по себѣ Гольбахъ не былъ геніальнымъ философомъ. Его, конечно, невозможно поставить на одну доску съ Гегелемъ. Но говоря о Гольбахѣ, Чернышевскій, вѣроятно, имѣлъ въ виду автора знаменитаго сочиненія „Système de la nature“. А сочиненіе это написано цѣлымъ кружкомъ наиболѣе выдающихся матеріалистовъ того времени, между которыми былъ такой яркій свѣточъ, какъ Дидро. И, конечно, только идеалистическими предразсудками нынѣшнихъ историковъ философіи можетъ быть объяснено то, что господа эти говорятъ о „Système de la nature“ лишь мимоходомъ, сопровождая свои краткія замѣчанія о ней презрительнымъ пожатіемъ плечъ. Чернышевскій, навѣрно, хорошо понималъ „реальные мотивы“ столь незаслуженнаго пренебреженія.

Въ своихъ взглядахъ на природу Н. Г. Чернышевскій былъ и остался послѣдовательнымъ матеріалистомъ. „Я съ первой молодости былъ,—говоритъ онъ,—твердымъ приверженцемъ того строго научнаго направленія, первыми представителями котораго были Левкиппъ, Демокритъ и т. д.“. (Вып. II, стр. 26). На Фейербаха онъ смотрѣлъ, какъ на высшаго представителя строго-научнаго, т. е. матеріалистическаго направленія въ исторіи человѣческой мысли. Въ письмѣ къ своимъ сыновьямъ отъ 21-го іюля 1876 г. Чернышевскій такъ излагаетъ „въ нѣсколькихъ словахъ“ свои общія понятія о природѣ:

„То, что существуетъ, называется матеріей. Взаимодѣйствіе частей матеріи называется проявленіемъ качествъ этихъ разныхъ частей матеріи. А самый фактъ существованія этихъ качествъ мы выражаемъ словами „матерія имѣетъ силу дѣйствовать“—или, точнѣе, „оказывать вліяніе“. Когда мы опредѣляемъ способъ дѣйствія качествъ, мы говоримъ, что мы находимъ „законы природы“.— О каждомъ терминѣ тутъ ведутся споры. Но реальное значеніе этихъ споровъ—нѣчто совершенно иное, чѣмъ серьезное сомнѣніе относительно фактовъ, обозначаемыхъ сочетаніями словъ, въ которыя входятъ эти термины. Это или пустая схоластика, щегольство грамматическими и лексикографическими знаніями и талантами и силлогистическими фокусами; а если не такъ, то въ оспаривающихъ эти термины и эти сочетанія терминовъ (эти, или равнозначительные имъ) управляетъ словами какое-нибудь не научное, а житейское желаніе, обыкновенно своекорыстное; а у защищающихъ эти термины и ихъ сочетаніе—охота вести споръ объ этихъ терминахъ не больше, какъ наивность, не догадывающаяся, что споръ или пустословіе или долженъ быть переведенъ отъ этихъ терминовъ и ихъ сочетаній на анализъ реальныхъ мотивовъ, по которымъ нападаютъ на эти термины и эти ихъ комбинаціи противники ихъ“. (Вып. II, стр. 45—46).

Это замѣчаніе о реальныхъ мотивахъ, вызывающихъ нападки на матеріалистическіе термины и на „ихъ комбинаціи“ (т. е. на обозначаемыя ими понятія) не только справедливо, но глубоко продумано и хорошо изложено. Идеологи господствующаго класса, въ самомъ дѣлѣ, возстаютъ теперь противъ матеріализма, повинуясь вполнѣ „реальнымъ мотивамъ“: идеализмъ представляется имъ единственнымъ надежнымъ духовнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ „разрушительными“ стремленіями современнаго пролетаріата. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мыслящій человѣкъ, который захотѣлъ бы понять происхожденіе нынѣшней идеалистической реакціи въ философіи, долженъ былъ бы начать съ анализа тѣхъ „реальныхъ мотивовъ“, по которымъ нынѣшніе буржуазные (и подчинившіеся буржуазному вліянію) любомудры всѣхъ странъ считаютъ долгомъ чести презрительно отворачиваться отъ матеріализма. Указывая на необходимость такого анализа, Чернышевскій становился на точку зрѣнія матеріалистическаго объясненія исторіи. Но, вообще говоря, будучи послѣдовательнымъ матеріалистомъ въ своемъ пониманіи природы, Чернышевскій оставался идеалистомъ въ своемъ взглядѣ на исторію. Его письма изъ Сибири убѣдятъ въ этомъ, вѣроятно, даже Ю. М. Стеклова. Да и неудивительно, что вѣрный ученикъ Фейербаха держался идеалистическаго взгляда на исторію: его держался самъ Фейербахъ, и его же держались всѣ нѣмецкіе послѣдователи Фейербаха. Взглядъ этотъ весьма характеренъ для всей до-марксовой эпохи въ исторіи матеріализма.

Сохранился листокъ съ перечнемъ книгъ, посланныхъ Чернышевскому въ Сибирь въ 1872 г. Въ ихъ числѣ мы видимъ и „Капиталъ“ Маркса (см. 182 стр. I-го выпуска). Но въ тѣхъ письмахъ Чернышевскаго изъ Сибири, которыя опубликованы до сихъ поръ, нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, какое впечатлѣніе произвела на него знаменитая книга Маркса. Пріемы же разсужденій его о ходѣ историческаго развитія показываютъ, что, каково бы ни было это впечатлѣніе, оно нисколько не поколебало его историческаго идеализма. Такимъ образомъ я, на основаніи писемъ Чернышевскаго, могу съ полнымъ убѣжденіемъ повторить теперь тотъ выводъ, къ которому я въ своей книгѣ о немъ пришелъ на основаніи его сочиненій: мысль Чернышевскаго шла по тому же самому пути, который привелъ западно-европейскую мысль къ марксизму; но неблагопріятныя условія русской общественной жизни сдѣлали то, что мысль нашего великаго писателя не дошла до конца этого пути, остановившись на предпослѣднемъ этапѣ, т. е. на философіи Фейербаха.

Въ теченіе долгаго времени русская читающая публика лѣваго лагеря придавала огромнѣйшее значеніе политико-экономическимъ трудамъ Чернышевскаго, мало задумываясь, а лучше ска-

зать, совсѣмъ не задумываясь объ его философскихъ взглядахъ. Въ своей книгѣ о немъ я указалъ на то, что философскіе взгляды Чернышевскаго до сихъ поръ сохранили несравненно больше значенія, нежели его политико-экономическія теоріи. Вѣрность этого указанія совершенно неожиданнымъ для меня и вообще весьма своеобразнымъ образомъ подтверждается письмами Чернышевскаго изъ Сибири. Изъ нихъ видно, что самъ Н. Г. Чернышевскій, сохраняя непоколебимую увѣренность въ правильности своихъ философскихъ взглядовъ, началъ во время пребыванія своего въ Сибири относиться довольно критически къ своей главной политико-экономической работѣ: къ примѣчаніямъ на книгу Милля. „Тамъ есть удивительныя вещи“,—говоритъ онъ въ письмѣ отъ 21-го апрѣля 1877 г. къ своимъ сыновьямъ. Какъ на одну изъ такихъ вещей онъ указываетъ на ту свою мысль, что, по кореннымъ законамъ своей фонетики, новоперсидскій языкъ занимаетъ середину между верхнимъ нѣмецкимъ и нижнимъ нѣмецкимъ. Въ эту ошибку онъ былъ введенъ, по его словамъ, Лейбницемъ, свидѣтельство котораго было принято имъ слишкомъ поспѣшно. (Вып. II, стр. 140). Но этотъ промахъ Н. Г. Чернышевскаго интересуетъ меня гораздо меньше, нежели другой его недосмотръ, имѣющій непосредственное отношеніе къ политической экономіи. Вотъ что говоритъ онъ самъ объ этомъ послѣднемъ недосмотрѣ.

„Припоминается мнѣ изъ тѣхъ же замѣтокъ на Милля другой курьезъ. Есть тамъ расчеты о дѣйствіи земледѣльческихъ усовершенствованій на урожай хлѣба. Цѣлыя колонны цифръ. Все вычислено посредствомъ логариѳмовъ. Но вотъ штука!—колонна результатовъ вычислена по масштабу, который я бросилъ, вычеркнулъ, а основная колонна вычислена по другому масштабу. И выходитъ нѣчто въ такомъ вкусѣ:

$$2 \times 2 = 5$$
$$3 \times 2 = 7\frac{1}{2}$$
$$4 \times 2 = 9^{2}/_{9}.$$

Этотъ курьезъ въ моихъ ученыхъ трудахъ открылъ не самъ я, а одинъ изъ моихъ знакомыхъ, имѣвшій терпѣніе провѣрять всѣ мои разсужденія по таблицамъ логариѳмовъ. Онъ былъ очень огорченъ такимъ моимъ недосмотромъ. (Вып. II, стр. 140—141).

Эту ошибку Чернышевскаго я тоже отмѣтилъ въ своей книгѣ о немъ (см. стр. 508 и слѣдующія). Пусть читатель извинитъ меня, если я позволяю себѣ обратить его вниманіе на это. Мое собственное умственное развитіе совершалось подъ огромнѣйшимъ вліяніемъ Чернышевскаго, разборъ его взглядовъ былъ цѣлымъ событіемъ въ моей литературной жизни, и я не могу оставаться равнодушнымъ къ вопросу о томъ, насколько удался этотъ разборъ. Тѣмъ меньше—могу, что его съ различныхъ сторонъ называли

неудачнымъ и даже пристрастнымъ. Мнѣ какъ нельзя болѣе пріятно было убѣдиться въ томъ, что истина была не на сторонѣ моихъ строгихъ критиковъ [1]).

Въ письмахъ отъ 15-го іюня 1877 г. къ своему сыну Александру Н. Г. Чернышевскій, сообщивъ о полученіи имъ „Жизни Бѣлинскаго" А. Н. Пыпина, „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ Костомарова" и книги Васильчикова „Землевладѣніе и земледѣліе", прибавляетъ:

„За третью изъ нихъ въ особенности много благодаренъ тебѣ, потому что присылка ея—дѣло заботливости твоей выбрать книгу именно по моему вкусу. Такъ. Но—прости за невѣжливую прибавку: это очень давній мой вкусъ, и давно онъ прошелъ у меня. Эти предметы перестали занимать меня. Я увидѣлъ, что они мелочны. Важность не въ этихъ спеціальностяхъ, а въ общемъ характерѣ обычаевъ. У дикарей, какъ ни устраивай какую-нибудь сторону быта, бытъ будетъ все-таки плохой. У народовъ, желающихъ жить, какъ живутъ люди, а не дикія животныя, всякій частный недостатокъ бытового устройства исправляется безъ большихъ хлопотъ собственно о его исправленіи. Итакъ: все сводится къ вопросамъ не матеріальнаго, а нравственнаго порядка.—Не подумай, что я не хвалю книгу князя Васильчикова. Она прекрасна. И авторъ ея—человѣкъ истинно благородной души. Но предметъ книги не занимателенъ для меня". (Вып. II, стр. 181—182).

Едва ли можно найти болѣе яркое выраженіе для историческаго идеализма, чѣмъ эти слова: „все сводится къ вопросамъ матеріальнаго, а нравственнаго порядка". На самомъ дѣлѣ, нравственное развитіе человѣчества находится въ тѣсной причинной зависимости отъ его матеріальнаго, т. е. экономическаго развитія. И это гораздо болѣе согласно съ философіей Фейербаха, по общему и точному смыслу которой не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе [2]). Но дѣло здѣсь не въ этомъ: излишне повторять, что въ своемъ взглядѣ на ходъ развитія человѣчества Чернышевскій не былъ вѣренъ философіи Фейербаха, какъ не былъ ей вѣренъ и самъ Фейербахъ. Только что приведенный отрывокъ заслуживаетъ вниманія той горечью, которая такъ сильно сказывается въ немъ. „У дикарей, какъ ни устраивай какую-нибудь сторону быта, бытъ будетъ все-таки плохой". Это

1) Одинъ строгій критикъ,—если не ошибаюсь, покойный Антоновъ, особенно возмущенъ былъ моимъ указаніемъ на ариѳметическія ошибки въ критическихъ замѣчаніяхъ Чернышевскаго на теорію Мальтуса. Онъ утверждалъ, что указаніе это есть плодъ самаго полнаго, самаго постыднаго незнанія ариѳметики. Я надѣюсь, что, если бы мой безпощадный критикъ имѣлъ возможность прочитать указанныя выше страницы II-го выпуска писемъ Чернышевскаго изъ Сибири, то онъ бы значительно смягчился и понизилъ тонъ.

2) Не довольствуясь этимъ общимъ положеніемъ, Фейербахъ нерѣдко возвращался въ послѣдніе годы своей жизни къ той мысли, что нравственность людей находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ ихъ матеріальнаго положенія. Да и самъ Н. Г. Чернышевскій часто повторялъ эту мысль въ своихъ сочиненіяхъ.

замѣчаніе, очевидно, относится къ Россіи и показываетъ, что онъ довольно пессимистически смотрѣлъ на нашу тогдашнюю общественную жизнь. Но мнѣ кажется несомнѣннымъ, что оно явилось плодомъ лишь временнаго настроенія. Вообще говоря, въ его историческихъ взглядахъ преобладалъ и въ то время здоровый оптимизмъ. Въ письмѣ отъ 11-го апрѣля 1877 г. онъ признаетъ, что зло имѣетъ громадную силу въ общественной жизни людей. „Но что-жъ изъ того для нашего міровоззрѣнія?—спрашиваетъ онъ.—Выбивая же понемножку разумъ людей изъ-подъ ига ихъ слабостей и пороковъ, и, силою разума, улучшались же, понемножку, люди, даже въ тѣ времена, когда были еще на-половину обезьянами. Тѣмъ меньше мы имѣемъ право мрачно смотрѣть на людей теперь, когда они, все-таки, ужъ гораздо разумнѣе и добрѣе, чѣмъ горилла и орангъ-утангъ. Понемножку, мы учимся. И научаемся понемножку быть добрыми и жить разсудительно. Тихо идетъ это дѣло?—Да. Но мы существа очень слабыя. Честь нашимъ предкамъ и за то, что они дошли и довели насъ хоть до тѣхъ результатовъ труда, которыми пользуемся мы. И наши потомки отдадутъ намъ ту же справедливость; скажутъ о насъ: „они были существа слабыя, но все-таки не вовсе безъ успѣха трудились на свою и нашу пользу". (Вып. II, стр. 131).

Полицейскому коршуну не удалось вырвать изъ сердца русскаго литературнаго Прометея отрадную вѣру въ лучшее будущее человѣчества. Чернышевскій, конечно, такъ и умеръ съ этой вѣрой.

Огромный интересъ представляетъ также находящаяся въ письмахъ отъ 11-го апрѣля 1877 г. оцѣнка Чернышевскимъ самого себя, какъ писателя. Обращаясь къ своимъ дѣтямъ, онъ пишетъ:

„Вамъ извѣстно, я надѣюсь, что собственно, какъ писатель-стилистъ,—я писатель до крайности плохой. Изъ сотни плохихъ писателей развѣ одинъ такъ плохъ, какъ я. Достоинство моей литературной жизни—совсѣмъ иное: оно въ томъ, что я сильный мыслитель". (Вып. II, стр. 123).

Какъ это—само собою разумѣется, нѣтъ ни малѣйшей надобности доказывать, что Н. Г. Чернышевскій вовсе не былъ такимъ плохимъ стилистомъ, за какого онъ себя здѣсь выдаетъ: его манера изложенія не лишена своеобразной прелести; въ ней нѣтъ блеска, но очень много ясности и рѣдкой простоты. Но совершенно неоспоримо, что онъ былъ гораздо сильнѣе въ качествѣ мыслителя, нежели въ качествѣ стилиста. Что же касается его дѣятельности, какъ мыслителя, то она во многомъ напоминаетъ дѣятельность наиболѣе выдающихся энциклопедистовъ XVIII-го вѣка. Ея главнѣйшая цѣль заключалась въ просвѣщеніи читающей публики. Но для того, чтобы получить возможность просвѣщать читающую публику, нужно было прежде всего привести въ болѣе или менѣе

стройную систему свои собственные взгляды. Какое отдѣльное свѣдѣніе, пріобрѣтаемое Чернышевскимъ, было дорого ему только въ той мѣрѣ, въ какой оно помогало ему выработать себѣ цѣльное міросозерцаніе. Какъ и выдающіеся французскіе энциклопедисты, онъ имѣлъ очень много знаній. Но онъ никогда не стремился сдѣлаться спеціалистомъ. Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ: „только латинскому языку я учился, какъ учатся юноши или дѣти: со вниманіемъ ко всѣмъ подробностямъ данной отрасли знанія, безъ разбора, какія изъ этихъ подробностей серьезны, какія—пусты. Всему остальному я учился, какъ человѣкъ взрослый, съ самостоятельнымъ умомъ: разбирая, какіе факты заслуживаютъ вниманія, какіе—не достойны его. Поэтому, во всякой отрасли знаній, которой я занимался, я не хотѣлъ впискивать себѣ въ голову многихъ фактовъ, которыми щеголяютъ спеціалисты: это факты пустые, безсмысленные". (Вып. II, стр. 124). Читатель помнитъ, можетъ быть, что по той же системѣ работалъ Рахметовъ въ романѣ „Что дѣлать?" Система эта имѣетъ свои слабыя стороны. Но ея сильная сторона заключается въ томъ, что она устраняетъ ограниченность понятій, столь свойственную огромнѣйшему большинству спеціалистовъ. Чернышевскій съ полнымъ основаніемъ и съ большимъ неодобреніемъ указывалъ на господство такой ограниченности, какъ въ общественныхъ наукахъ, такъ и въ естествознаніи. Онъ пишетъ: „Вообще, естествознаніе—достойно всякаго уваженія, сочувствія, одобренія. Но и оно подвержено возможности служить средствомъ къ пустой и глупой болтовнѣ. Это случается съ нимъ въ очень большомъ размѣрѣ, очень часто; потому что огромное большинство натуралистовъ, какъ и всякихъ другихъ ученыхъ,—спеціалисты, не имѣющіе порядочнаго общаго ученаго образованія, и поэтому, когда вздумается имъ пофилософствовать, философствуютъ вкривь и вкось, какъ попало; а философствовать они почти всѣ любятъ". (Письмо отъ 15 сент. 1876 г. Вып. II, стр. 57). Для примѣра Чернышевскій чаще всего указывалъ на то, какъ неудачно примѣняютъ матеріалисты понятіе о борьбѣ за существованіе къ ученію объ общественномъ развитіи. Другимъ примѣромъ служилъ у него такъ называемый законъ Бэра, гласящій, что степень совершенства организма пропорціональна его дифференціаціи (такъ формулируетъ Чернышевскій этотъ законъ). По мнѣнію нашего автора, думать такъ, значитъ безъ критики примѣнять политико-экономическія понятія къ біологіи. Онъ утверждаетъ, что не дифференціація должна служить критеріемъ совершенства организма.

„Какъ скоро въ организмѣ есть нервная система, главная норма для опредѣленія степени совершенства этого организма—степень развитія нервной системы. А степень развитія нервной системы—легко ли опредѣлить анатомическими или вообще морфо-

логическими способами?—Нѣтъ, это во многихъ случаяхъ трудъ, еще превышающій наши силы. Но—функціи нервной системы наблюдать легко; и сущность достоинства нервной системы даннаго животнаго—въ этихъ функціяхъ. Выше ли дифференціированъ организмъ слона или [illegible] позади, чѣмъ организмъ барана или коровы?—Нѣтъ, я полагаю. Но лошадь умнѣе барана; лошадь организмъ болѣе совершенный. Это главный критеріумъ. Придаточный критеріумъ: степень способности всего остального организма [illegible] кить требованіямъ нервной системы. Изъ двухъ породъ лошадей, равныхъ по уму, та порода совершеннѣе, которая имѣетъ мускулы болѣе сильные и неутомимые... Второстепенныхъ критеріевъ много, не одни мускулы: тоже, и способность желудка переваривать пищу, и способность органовъ движенія передвигать организмъ (у лошади это будетъ степень крѣпости копыть) и степень здоровости всего организма (это, вообще, будетъ, я полагаю, степень устойчивости крови въ нормальномъ своемъ составѣ), и т. д., и т. д.—Но все это критеріумы физіологическіе, а не морфологическіе, которые одни захватываются закономъ Бэра, и которые находятся, правда, въ связи съ физіологическими, но прямого значенія ровно никакого не имѣютъ ни для кого, кромѣ живописцевъ и всяческихъ другихъ любителей артистическаго созерцанія". (Вып. II, стр. 58).

Чернышевскій дѣлаетъ при этомъ ту оговорку, что указанная имъ норма для опредѣленія степени совершенства организма не примѣнима къ ботаникѣ. Очевидно, это потому, что у растеній отсутствуетъ нервная система. Но вѣдь она отсутствуетъ и въ весьма значительной части животнаго царства. Поэтому и въ біологіи она могла бы быть примѣнима лишь съ весьма немаловажной оговоркой. Но разсмотрѣніе этого вопроса завело бы насъ слишкомъ далеко. Я хочу указать лишь на то, что норма, принимаемая Чернышевскимъ для опредѣленія степени совершенства организма, имѣетъ въ его глазахъ не только біологическое значеніе. Она тѣсно связана съ его историческими взглядами. Прогрессъ заключается въ улучшеніи человѣческихъ понятій и привычекъ. Улучшеніе это зависитъ отъ роста умственной силы. А ростъ умственной силы опредѣляется развитіемъ органа мысли, т. е. мозга. (См. полное собр. сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 2, отд. IV, стр. 182—183). Такимъ образомъ указанная норма объединяетъ собою *историческое* развитіе человѣческаго рода съ его *зоологическимъ* развитіемъ. И есть полное основаніе думать, что если нашъ авторъ былъ недоволенъ невниманіемъ зоологовъ къ этой нормѣ, то это происходило отъ того, что онъ особенно дорожилъ ею въ качествѣ историка.

Недовольный ограниченностью понятій, господствующей въ средѣ натуралистовъ, Чернышевскій рѣзко возстаетъ также противъ „старыхъ, пошлыхъ понятій", въ изобиліи встрѣчающихся

по его словамъ, въ историческихъ книгахъ. „Столько ихъ,—пишетъ онъ въ письмахъ отъ 17-го марта 1876 года,—что перечислить ихъ—считать звѣзды млечнаго пути, песокъ на морскомъ берегу. Но общая характеристика ихъ всѣхъ, и старыхъ и новыхъ: онѣ противны правиламъ чести и чувствамъ добра. Добро и разумность—это два термина, въ сущности равнозначущіе. Это одно и то же качество однихъ и тѣхъ же фактовъ, только разсматриваемое съ разныхъ точекъ зрѣнія; что съ теоретической точки зрѣнія разумность, то съ практической точки зрѣнія—добро; и наоборотъ: что добро, то непремѣнно и разумно.—Это основная истина всѣхъ отраслей знанія, относящихся къ человѣческой жизни; потому, это основная истина и всеобщей исторіи. Это коренной законъ природы всѣхъ разумныхъ существъ. И если на какой-нибудь другой планетѣ живутъ разумныя существа, это непреложный законъ и ихъ жизни, все равно, какъ непреложны наши земные законы механики или химіи для движенія тѣлъ и для сочетанія элементовъ и на той планетѣ. Критеріумъ историческихъ фактовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ—есть и совѣсть". (Вып. II, стр. 19).

Если бы мы, усвоивъ эту „основную истину всѣхъ отраслей знанія, относящихся къ человѣческой жизни", захотѣли построить на ней методъ изслѣдованія общественныхъ явленій, то намъ предстояло бы большое разочарованіе. Задача научнаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы обнаружить тѣ причины, которыми вызванъ былъ данный ходъ даннаго прогресса развитія. Съ этой точки зрѣнія добро и разумность, наблюдаемыя нами въ общественной жизни людей, сами представляются слѣдствіями, которыя вызываются причинами, не подлежащими оцѣнкѣ съ помощью понятій добра и разумности. Но Чернышевскій смотрѣлъ на общественныя явленія преимущественно съ практической точки зрѣнія. Его интересовало не столько то, что было,—хотя и это очень сильно интересовало его, какъ чрезвычайно умнаго человѣка,—сколько то, чему слѣдовало бы быть. Онъ самъ говоритъ это въ послѣднихъ строкахъ своихъ „Очерковъ изъ политической экономіи". „Не успѣла войти въ наши очерки та часть теоріи,—читаемъ мы тамъ,—которая, по нашему мнѣнію, наиболѣе важна въ наукѣ". Это взглядъ практическаго реформатора, точка зрѣнія непосредственнаго дѣйствія. А съ точки зрѣнія непосредственнаго дѣйствія слова Чернышевскаго о добрѣ и разумности въ общественной жизни пріобрѣтаютъ огромное значеніе. Въ качествѣ практическаго правила, которымъ долженъ руководствоваться передовой общественный дѣятель, мысль Чернышевскаго почти дословно совпадаетъ съ тѣмъ, что говорилъ знаменитый Интернаціоналъ въ своемъ первомъ манифестѣ ко всемірному пролетаріату. Указывая на международную политику, манифестъ

утверждалъ, что пришла пора провозгласить „простые законы нравственности и права“ нормами, долженствующими опредѣлять взаимныя отношенія не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ.

Чрезвычайно характерно для Чернышевскаго его отношеніе къ Некрасову. Въ письмѣ отъ 14-го авг. 1877 г. А. Н. Пыпину онъ говорилъ:

„Въ „Отечеств. Запискахъ“ я, разумѣется, читалъ стихи Некрасова, говорившіе, что онъ, хилый и страдающій тяжкою болѣзнью, ждетъ смерти. Я видѣлъ, что это не прикрасы для поэтичности мыслей, а фактическая истина. Но я желалъ сохранить надежду, и отчасти успѣлъ было убѣдить себя, что онъ еще поправится: я думалъ, это просто старческая хилость; она для него еще преждевременна; и, быть можетъ, медикамъ удастся сладить съ нею. Глубоко скорблю, прочитавъ, что смерть была уже неотвратима и близка, когда ты писалъ твое второе письмо; если, когда ты получишь мое письмо, Некрасовъ еще будетъ продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любилъ его, какъ человѣка, что я благодарю его за его доброе расположеніе ко мнѣ, что я цалую его, что я убѣжденъ: его слава будетъ безсмертна, что вѣчна любовь Россіи къ нему, геніальному и благороднѣйшему изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ.—Я рыдаю о немъ. Онъ дѣйствительно былъ человѣкъ очень высокаго благородства души и человѣкъ великаго ума. И, какъ поэтъ, онъ, конечно, выше всѣхъ русскихъ поэтовъ“. (Вып. II, стр. 200).

А. Н. Пыпинъ передалъ умиравшему Некрасову эти слова Чернышевскаго, и они, конечно, доставили большую отраду этому человѣку, навлекшему на себя много несправедливыхъ обвиненій. Что касается взгляда на Некрасова, какъ на величайшаго изъ русскихъ поэтовъ, то его раздѣляла въ то время вся наша радикальная интеллигенція. Когда Достоевскій въ своей рѣчи у могилы Некрасова сказалъ, что онъ „долженъ прямо стоять вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ“, то изъ нѣкоторыхъ группъ присутствовавшей на кладбищѣ революціонной молодежи закричали: „Онъ былъ выше ихъ, да, выше“. Пишущій эти строки самъ принадлежалъ къ числу кричавшихъ.

Въ заключеніе еще два слова вотъ о чемъ. Въ послѣднее время у насъ много носились съ покойнымъ Л. Н. Толстымъ, изображая его чѣмъ-то въ родѣ неподражаемаго „учителя жизни“. Но достаточно сравнить письма Чернышевскаго изъ Сибири съ доступными читающей публикѣ письмами Толстого, чтобы понять, кого изъ этихъ двухъ писателей надо учиться жизни.

Г. Плехановъ.

П9247